

Лепидоптерофобия (Освобожденная Медея) / Lepidopterophobia (Medea Unbound) (рассказ)

Сторонний перевод

Этот перевод был выполнен за пределами Гильдии.

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Лепидоптерофобия (Освобожденная Медея) / Lepidopterophobia (Medea Unbound) (рассказ)

Автор Дэн Абнетт / Dan Abnett

Переводчик Ри,
Elijah

Издательство Black Library

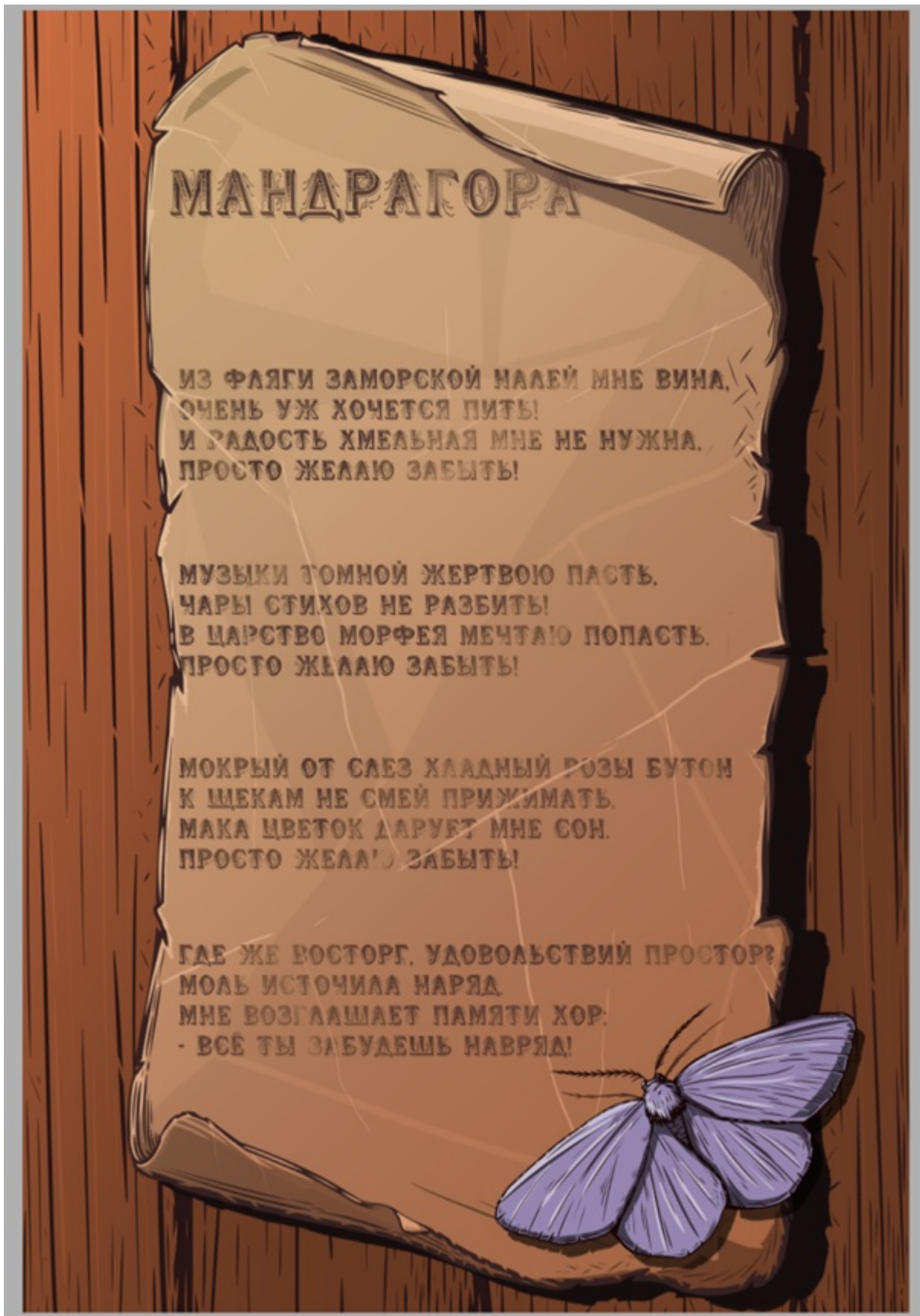
Входит в сборник Inferno!: Инквизиция / Inferno!: The Inquisition

Источник Penitent: Limited edition

Год издания 2021

Подписаться на обновления Telegram-канал

Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

"Мандрагора"

Где же восторг, удовольствий простор? —

Моль источила наряд.

Мне возглашает памяти хор:

— *Всё ты забудешь навряд!*^[1]

Анодос^[2] (Мэри Элизабет Кольридж)

К югу от Врат Мытарств, в тени этого великого памятника, раскинулся район дворов и переулков, также известный как книжный рынок или Остатки.

Небольшой лабиринт из уличных киосков и магазинчиков, вплетенных в изношенные кирпичные и каменные здания квартала, чьи крошечные закоулки и переулки иногда приводили как к маленькими дворикам, залитым солнечным светом, так и к дворам побольше, где торговцы выкладывали товары. Если бы не маленькие оазисы солнечного света, это тихое место утонуло бы во тьме. Извилистые переулки были чересчур узкими — двум идущим навстречу друг другу пешеходам пришлось бы, по всей видимости, повернуться боком, чтобы разминуться. Стены, ограждавшие дорогу, возвышались настолько, что загораживали весь дневной свет ветхой кирпичной кладкой и запотевшими, зашторенными окнами. Рынок образовался там давным-давно, возможно еще в те времена, когда Королева Мэб считалась городом, и там находили себе пристанище отшельники, ученые, библиофилы, время от времени заблудшие, которые повернули на Круг Святого Зороастра, или те, кто свернул не в ту сторону с дороги Врат Мытарств.

Именно в этом месте Медея и наткнулась на книгу, раскрывшую в будущем множество секретов. Однако эта случайность не обошлась без опасной потусторонней силы.

Дело было после полудня, как раз в середине дня. Женщина пришла сюда под своим именем, то есть как Медея Бетанкор, командующая кораблем из Главии. Она была одета в сшитый на заказ костюм светло-черного оттенка, черные лакированные кожаные ботинки и алые перчатки. С плеча свисала небольшая сумка из шкуры грокса. Волосы женщины были зачесаны назад, в глазах сверкало любопытство. Ее блестящая темная кожа совершенно не вписывалась в унылые тени рыночного квартала.

Медея пришла под своим именем, так как у нее был выходной, и несмотря на то, что одета она была в официально-деловом стиле, это все равно служило своего рода спасением и освобождением от грубых красных одеяний и накрахмаленного головного убора в виде крыла чайки, которые ей приходилось носить в рабочее время. Остальные шесть дней в неделю на протяжении двух десятков лет она жила под личностью сестры Бисмиллы, монахини, опекающей сирот в Схоле Орбус на Хайгейт-Хилл. Такова была ее роль и долг, по указанию наставника, агента святого Ордоса. Задание сестры Бисмиллы заключалось в присмотре за одним ребенком, ныне уже молодой девушкой, учащейся в Зоне Дня, чье здание примыкало к приюту.

Ни одно из заданий Медеи так долго не длилось, и она никогда не работала под прикрытием на протяжении стольких лет. Облик Бисмиллы, простая и аскетичная жизнь, наполненная работой и созерцанием, стала второй натурой, и Медея уже практически забыла, каково это — быть самой собой. Вот на какие жертвы шли слуги Трона. Секретная команда из разных людей прибыла в Королеву Мэб около двадцати лет назад, чтобы начать медленное судебное расследование скрытого зла, и все указывало на то, что пройдет еще двадцать лет, прежде чем приговор будет вынесен, а зло выкорчуют с корнем.

Но все же Медея не сдавалась. Она жила той жизнью, которую выбрала, ну или по крайней мере той,

которая выбрала ее. Женщина оставалась неизменно верна Трону, и так же верно служила наставнику.

Вот так и получилось то, что она шесть дней в неделю жила жизнью сестры Бисмиллы и выполняла задание, поставленное перед ней наставником — присматривать за одной девушкой из Зоны Дня. А в выходные дни, когда ей разрешали отдыхать от сирот и подкидышей, она становилась собой и вместо того, чтобы отдыхать, исполняла другие обязанности.

Медея рыскала по рынкам, базарам, библиотекам и музеям огромного города, чтобы найти хоть какие-то улики. Все они так делали — вся команда, хотя остальные — наставник, Гарлон, Смертник и даже существо по имени Черубаэль — могли заниматься подобным все семь дней в неделю. Они прочесывали древний город в поисках загадок и знаков, поскольку им нужно было найти так называемого Короля в Желтом и способ, как проникнуть в его оккультное логово, известное в легенде под названием Пыльный Город.

Откровенно говоря, за эти двадцать лет тщательного изучения они знали ничтожно мало, и даже личность того самого Короля установить не удалось. Однако они точно знали, что он представлял собой древнюю и хроническую угрозу безопасности Империиума, и что его логово — скрытое каким-то метафизическим способом — занимало и покрывало то же пространство, что и город Королева Мэб в Санкуре.

В свои драгоценные выходные Медея предпочитала ходить по многочисленным городским рынкам, поскольку давно поняла, что на прилавках способна отыскать все виды раритета и странных вещиц. Она посещала галеристов на Олинтонхолле, торговцев печатными изданиями в торговом центре Тейлтауна и даже старьевщиков, раскладывающих ржавые, спасенные побрякушки на клеенках на пустыре за Угольными Вратами. Медея ходила по антикварным магазинам и лавкам на Роупберн, Холмах Тай, Крытом Рынке, и рассматривала сокровища, выставленные на витринах. Она подолгу задерживалась на рынке тканей на пристани Фейсайд, и под широкой свинцовой крышей старых складов иногда замечала странные иероглифы и символы, вплетенные в орнамент ковров и ковровых дорожек, доставленных из Херрата.

Город пестрил загадками, или по крайней мере, личными тайнами, фрагментами древней истины. Королева Мэб являлась тревожным и странным местом, как они все заметили. Древние улицы и извилистые магистрали города, казалось, действовали подобно магниту, притягивая к себе всё, что когда-либо потеряла и выбросила человеческая раса. Все это больше походило на линию прилива какого-то заброшенного пляжа, куда космическими волнами прибило обломки и останки цивилизации. На протяжении многих лет Медея и ее коллеги находили всевозможные безделушки, назначение которых ныне не поддавалось расшифровке; все эти вещи, очевидно, появились еще до завоевания звезд человеческой расой с Терры. Команда обнаружила безымянные предметы или детали к оным, созданные задолго до наступления Темной Эры Технологий. Никто, даже наставник, толком не смог сказать, как и почему эти вещи попали в Санкур, кроме теории, что их занесло течением пустоты или водоворотами Имматиума, и они остались здесь, словно выбеленные солнцем кости или ржавые обломки кораблей на гальке мертвого, спокойного и соленого моря.

Санкур — и Королева Мэб — напоминали альбом с вырезками из неизвестной культуры, памятник забытому. Ни один из объектов никогда не давал ответов, несмотря на тщательный анализ. Медея пришла к заключению, что если и существовал действительно понятный ответ, который они искали, то находился он, скорее всего, в словах, в текстах, и именно поэтому она была завсегдаем книжных рынков. Несколько таких рынков рассеялись по всему городу, но Остатки, неподалеку от Врат Мытарств, был самым большим из них.

Тем днем после полудня она направилась в лабиринт теней. Торговцы, молчаливые и задумчивые люди, которые редко смотрели друг другу в глаза, расставили прилавки по всем переулкам и маленьким дворикам, тем самым заняв большую часть тротуаров и практически не оставив места для прохожих. Некоторые книги раскладывали на коврах, выставляли в проволочных корзинах или в старых коробках из-под фруктов. Другие же располагались на маленьких витринах, где забивали каждый миллиметр, или лежали на деревянных кафедрах и книжных подставках, забранных из давно закрытых библиотек или разрушенных храмов. Эти раскрытые книги, напоминающие проколотых птиц или экземпляры бабочек, имели небольшие свинцовые полосы или подушечки из песка для утяжеления страниц, чтобы прекрасные цветные рисунки видели проходящие мимо покупатели. Многие из прилавков затеняли парусиновые навесы, мягко колыхавшиеся на ветру, дуновение которого иначе невозможно было заметить. Страницы тоже шевелились из-за легкого сквозняка. Они шептали, словно листья, опадающие в осеннюю пору.

Медея, по правде говоря, считала книжный рынок беспокойным местом.

Она была способной и уверенной в себе женщиной, и за свою долгую жизнь без колебаний сталкивалась со многими опасностями: иногда с такими, которые лишили бы любого другого человека здравомыслия. Она выглядела как женщина под тридцать лет, необычайно красивая, гибкая и отличающаяся острым умом. Сдержанная преподавательская стажировка на протяжении многих лет подпитывала эту иллюзию молодости, ведь на деле Медея прожила практически два столетия, и за эти века произошли некоторые из величайших ужасов, которые только могла выпустить на волю темная вселенная. Она выстояла. На Медее была одежда главианской касты пилотов, хотя это вряд ли являлось маскировкой по двум причинам: во-первых, респектабельная судовладелица добилась бы большего расположения и внимания от продавцов и поставщиков книг, стремящихся продать товар, и во-вторых, это был единственный день в неделе, когда она могла напомнить себе, кем является на самом деле. Истинное «я» было спасением от оков сестры Бисмиллы... и маскировкой для Бисмиллы на случай, если ее вдруг заметят.

Пока она искала секреты — другие искали ее.

Медея Бетанкор, главианский пилот, служащая Ордоса, была очень способной в своем деле. Но она никогда и никому не признавалась в одном, даже любимому наставнику, что у нее есть тайный страх, фобия, что преследовала ее с детства. Бесконечный, шаркающий шепот подергивающихся на ветру страниц заставлял ее кожу покрываться мурашками.

Она прошла по Пассажу Данцига за старой часовней, дважды остановившись, чтобы осмотреть прилавки находившихся там торговцев. Руки в красных перчатках переворачивали страницы, рассматривали корешки, перебирали ящики с альманахами и сборниками стихов. Страх затаился в ее черепе подобно зуду.

Остатки — относительно безопасный квартал города. Они лежали далеко от жалких теснин и злобных банд Ослепленных битвой. Здесь редко промышляли карманники и воры, за которыми нужно было постоянно следить. Самыми худшими из тех, с кем можно было здесь столкнуться, являлись бездомные и проклятые нищие, жалкие побиральщики, пристающие с просьбами о милостыне на некоторых переулках и перекрестках.

Однако страх все еще отбивался неприятным зудом в голове. Шелест страниц, шелест книг. Все это напоминало ей об одном, как бы она ни старалась игнорировать эту мысль, о сухих крыльях в пыльце.

Имя ее страданий — лепидоптерофобия. Этот медицинский термин означал страх перед мотыльками и

бабочками. Медея считала этих безобидных и хрупких, красивых созданий весьма раздражающими.

Она не могла объяснить причину этого. Безрассудные страхи — на то и безрассудные. Из того, что женщина помнила, не было ни одного причинно-следственного момента из детства, ни одного случая, когда ее, маленькую девочку, встревожил или удивил порхающий мотылек или бабочка. Покойная мать и другие члены клана часто дразнили ее и упрекали, как только она отшатывалась, услышав внезапный шелест крыльев.

«Девочка моя дорогая, — говорил ее дядя, — не понимаю я твоего отвращения. Чешуекрылые — смелые существа. Они очень на нас похожи. Такие хрупкие, но, несмотря на это, они выдерживают всю опасность полета». Она никогда не могла ответить удовлетворительно на эти замечания, а теперь уже было поздно, поскольку дядя, как и отец, которого она никогда не видела, давно разбился.

Сам процесс полета эту фобию не вызывал. Мухи и другие жалающие насекомые ее вовсе не беспокоили, даже если они громко жужжали рядом. Медею заставляло вздрагивать сухое трепетание: пыльная, припудренная дрожь крыльев, покрытые ворсинками тела, подергивание антенн, то, как они бьются и стучат по стеклу или копошатся вокруг лампы в сумерках. Их звук и безмолвие.

Медея хорошо знала Останки, поскольку на протяжении лет приходила сюда бесчисленное количество раз. Женщина знала расположение и открытых дворики, и секретных проходов, и местонахождение самых лучших поставщиков книг. Большинство из них имели свою специализацию: продавцы работ по алхимии и анатомии собирались в Стернс-корте, продавцы работ по истории выстраивались вдоль Молкин-уэй, торговцы литературой и классикой раскладывали товары на прилавках Губернаторской Аллеи и Балференс-корте, продавцы трактатов по инженерии и механике собирались на Тайласс-роу, Неймс-корт и в переходах Чайлайт. Чтобы найти карты, схемы и пиктографические гравюры, нужно было отправиться в Пассаж Хинтера, биографии — Силасик-корт, а чтобы найти все остальное, непременно нужно было посетить дворик на переулке Данка.

Чтобы найти более любопытную литературу эзотерического характера, следовало посетить один из небольших дворов, куда можно было попасть по лестнице, спускающейся от Тайласс-роу и ведущей в место под названием Грамматикус-ярд.

Сюда даже в полдень редко проникал солнечный свет, и дюжина букинистов соперничала за место у покрытых тенями булыжников. из-за вечной тьмы в маленьком дворике большинство продавцов подвешивали к навесам латунные лампы или старые светящиеся шары, чтобы покупатели могли ознакомиться с товаром. Вокруг этих ламп постоянно копошились мотыльки.

Двор оказался практически пуст, когда Медея добралась до него. Кислотно-желтый свет от ламп разбавлял полумрак под навесами. Высоко вверху виднелся небольшой продолговатый участок голубого полуденного неба, окруженный древней тьмой зданий со всех сторон.

Женщина слышала шелест книжных страниц на ветру.

Здесь находилось всего несколько посетителей, бродивших от прилавка к прилавку словно лунатики. Большинство из них выглядели в ее глазах как ученые или академики, скорее всего из Академии Гекула, изучающие свои диссертации. Один мужчина помоложе на долю секунды напомнил ей Беловуара, но это оказался не он.

Во дворе даже воздух оказывал эффект снотворного. Осталось лишь несколько продавцов. Одна пожилая женщина перебирала книги в коробках на прилавке и выглядела так, словно ее раздражали все

покупатели. Полусонный пожилой мужчина во фраке, сидел в потертom кресле за своими прилавке и курил «рома» из пузырьчатой трубки. Остальные, как предположила Медея, оставались во тьме крошечных магазинчиков и каталогизировали товары, или дремали в полдень, или, возможно, улизнули в кафе на Молкине, чтобы перекусить. На витринах без продавцов стояли написанные от руки таблички «скоро вернусь, ознакомьтесь с товаром», а маленькие керамические чаши и латунные тарелки в форме сложенных в чашу руку стояли для приема платежей, рассчитывая на честность покупателей.

А листы книг все перешептывались.

В сонной тишине двора рыскали кошки — бродячие, как она догадалась. Они сидели на стопках книг, умывались или смотрели из теней немигающим взглядом. Некоторые даже спали в корзинах поверх рукописей или грелись в лучах редкого солнечного света, что проникал в маленький двор. Один кот, как она увидела, охотился на мотыльков вокруг лампы. Тихое и ленивое кошачье настроение полностью пронизывало двор. И теперь он стал местом легкой кошачьей усталости.

Медея оглядела прилавки. Она хорошо знала их все, но ассортимент постоянно менялся, и тут могли появиться всевозможные новые странности. Ей даже пришлось потревожить толстого рыжего котяру, чтобы изучить атлас Санкура. Животное с негодованием посмотрело на нее, пока меняло позу. Атлас оказался слишком старым и выцветшим, чтобы в нем что-то можно было разобрать, поэтому он оказался бесполезен.

Ветерка не ощущалось, но страницы беспокойно шевелились, словно крылья мотылька. По коже Медеи снова пробежали мурашки, но работу нужно было выполнить. Она подумала о Беловуаре и задалась вопросом о том, что с ним стало. Несколькими годами ранее, чтобы было легче работать, она наняла двух или трех букинистов, студентов из академии, стремящихся немного подработать. Прейд Беловуар, суетливый молодой человек с выпученными глазами, оказался самым сведущим. Он изучал неоклассическую философию в Академии и имел хороший нюх на книги. За несколько монет в неделю он рыскал по рынкам от имени Медеи и возвращался с подходящими изданиями или информацией о более дорогих товарах. Ничего из того, что он принес, не принесло пользы, но именно с помощью парнишки Медея смогла составить карту книжных рынков города. Беловуар подготовил для нее список букинистов, их местоположение и специализацию. С его помощью женщина получила гораздо большее представление о торговле подержанными книгами в городе, чем смогла бы получить одна в единственный свободный день в неделю.

Он был так увлечен, так рад этой работе, что никогда даже не задавал никаких вопросов о том, зачем и для чего это все. Но примерно полгода назад он перестал приходить к ней и не сказал ни слова. Она же в свою очередь предположила, что он нашел более прибыльную работу, и они больше никогда не виделись.

Медея подошла к прилавку мэм Тардинг. Пожилая женщина все еще перебирала книги в ящиках и не обращала никакого внимания на покупательницу. Через дорогу еще один покупатель торговался с пожилым продавцом о цене первого издания «Истории Великого Объединения» за авторством Савиньора. В тени столов кралась кошка.

Корзины перед прилавком наполнились рукописями без переплета — необработанные, сложенные гармошкой страницы, являющиеся репродукциями старых и ветхих работ. За небольшую плату можно было приобрести неразрезанные пачки, за более высокую цену мэм Тардинг могла договориться с местным переплетчиком об их обрезке и переплете.

Так Медея и нашла нужную книгу. Она рылась в рукописях, которые лежали в корзинах, пытаясь подавить отвращение, поскольку отдельные страницы тревожно трепетали и шелестели на ветру даже больше, чем целые книги, и от этого звука по коже вновь бежали мурашки. Как только она вынула действительно интересную рукописную копию «Рубрики» Констанцы, большой мотылек отскочил от лампы над головой и с громким стуком приземлился на листы в ее руках. Она невольно отшатнулась, выронив рукописи, и резко попятилась назад, наткнувшись на прилавок позади. Мэм Тардинг оторвалась от своего занятия и окинула Медею косым взглядом, после чего вновь принялась сортировать книги в ящиках.

Когда Медея опомнилась, то почувствовала себя глупо. Мотылек всего лишь маленькое создание, намного меньше, чем она сама, но серый усатый вид вызывал у нее отвращение. Женщина стиснула зубы, услышав, как мотылек с жужжанием взлетел в воздух и продолжил бесцельно кружиться вдали.

Медея тут же повернулась, чтобы посмотреть на стол, в который она врезалась, чтобы убедиться, что не устроила беспорядка, поскольку любого букиниста легко вывести из себя. Но никаких признаков торговца за прилавком не было, лишь четыре маленьких складных столика, заваленных книгами под брезентовым навесом за порогом магазинчика. Дверь была закрыта, но таблички, обещающей скорое возвращение торговца, на ней не висело. На небольшой витрине рядом с дверью сквозь пыльное и грязное стекло виднелись старые тома, сложенные в стопки. Внутри магазинчика было темно.

Извиняться ни перед кем не пришлось. Все стояло на своих местах. Медея уже собиралась уходить, когда поняла, что в этом магазинчике было нечто странное. Ранее она никогда его не видела, по крайней мере, не замечала ни в один из своих прошлых визитов. Над дверью красовалась надпись «Собственность М. Борхес». Незнакомое имя. Беловуар никогда не упоминал ни о каком торговце с таким именем.

Медея принялась внимательно рассматривать товары. Очень старые и потрепанные книги, половину из которых она даже не узнала. «Трактат о лунной ракетной технике», «История водных путей в низинах», какая-то книга под названием «Путеводитель Бедекера», сложенная карта с разноцветными линиями, которые соответствовали подземным железнодорожным путям какого-то затерянного города. Там лежал и том «Краткий пересказ художественной литературы Сервантеса», и экземпляр стихов какого-то автора по имени Китс или Йитс — обложка оказалась в таком состоянии, что разобрать написанное было весьма сложно.

Очень древние книги, и некоторые из них, даже на неопытный взгляд Медеи, были явно написаны на языках Старой Терры, чьи многочисленные формы предшествовали низкому готику. В этом месте все ереси слились в унисон. Здесь был и гримуар с мистически эротическими зарисовками человека по имени Спейр, и небольшой томик «Маленький Альберт», пестрящий герметическими символами.

И тут же лежал путеводитель по звездам.

Его-то Медея и взяла. Вокруг не было ни одного спящего кота, которого нужно было бы уговорить отойти в сторону; и действительно, из всех прилавков в маленьком дворике, кошки не прятались только на территории М. Борхеса.

Медея открыла книгу. Экземпляр оказался сравнительно новым, без выцветших пятен. Называлась книга «О звездах на небесах (с эфемеридами)», написал ее некий Фредрик Дэнс, который, как оказалось, когда-то был астрономом-фаворитом при дворе барона-префекта Королевы Мэб. Повествование велось на низком готике, со сравнительным текстом, представленным анграбиком, и тут автор кичился тем, что

в книге представлен перечень всех созвездий, видимых из Санкура. Медею, как главианку, интересовали такие работы, но поскольку она бороздила небеса, то сразу поняла, что в книге полно ошибок. Звездные карты, представленные на страницах, никоим образом не соответствовали звездным системам Ангелуса.

Нахмурившись, Медея переворачивала страницы. Любопытная находка и такая безумная работа. Возможно, этот Дэнс — попросту безумец, хотя технические детали и вся композиция были весьма точными и тщательно проработанными. И тут единственная мысль встревожила ее так же, как и непрекращающийся шелест бумажных страниц вокруг. Рискованное предположение, и, скорее всего, наставник отмахнется от него, но вполне вероятно, что эта странная книга давала представление, разрешала заглянуть внутрь другого измерения, в логово Короля, которое они так долго искали.

Безусловно, эту теорию стоило проверить. Медея решила, что купит книгу и изучит на досуге. Но на форзаце не было ни цены, написанной графитом, ни чаши для того, чтобы оставить деньги. Женщина сунула книгу под мышку и решила продолжить осматривать магазинчик, пока этот таинственный или таинственная М. Борхес не вернется.

Время шло, но букинист все не появлялся. Пока Медея ждала, она обнаружила на раскладных столиках и другие странные книги. Все они являлись обломками литературы Старой Терры, вне всяких сомнений выброшенными сюда неуправляемыми порывами времени и пространства, которые неизменно приносили все эти странности на берег Королевы Мэб. Но если так, то вот эта маленькая лавка в этом темном дворике представляла собой весьма сильную приливную волну, вихрь необычной силы. Весьма диковинное сосредоточение таких товаров оказалось именно здесь, словно принесенное странной волной случая.

Медея теряла терпение. А время все шло. Женщина подошла к темному окну и попыталась заглянуть внутрь, чтобы найти владельца. Разглядеть, что внутри, оказалось довольно трудно, поскольку стекла покрывала сильная старая копоть и пыль. У нее вызвал отвращение и внутренний подоконник магазинчика, покрытый высохшей шелухой и крыльями мотыльков, залетающих в лавку и погибающих в тщетной попытке пробиться сквозь стекло.

И все-таки внутри Медея никого не видела, кроме беспорядочно разбросанных книг, выставленных на всеобщее обозрение. У одной из них, самой ветхой, даже не хватало половины корешка, но на том, что осталось, Медея смогла разглядеть неполное название: «...в Желтом» и имя автора — Чемберс. Женщина буравила взглядом книгу сквозь толстое грязное стекло. Она была уверена, что это и есть тот том, который ей нужно позарез изучить.

Медея постучала в дверь и прислушалась, но ответа не последовало. Дверную ручку украшал декоративный латунный замок, довольно-таки современный, с цифровым механизмом. М. Борхес предпочитал чувствовать себя в большей безопасности, чем остальные букинисты в Остатках. Но Медея все же попыталась открыть дверь.

И та оказалась не заперта.

С астрономическим справочником под мышкой и книжной сумкой через плечо она вошла внутрь. Интерьер магазина представлял миниатюрное царство теней, куда почти не проникал свет — ни через дверные панели, ни через маленькие окошки. Стопки книг намного выше головы стояли со всех сторон или располагались на шатающихся полках, образуя узкий каньон прямо в сердце этой лавки. Там едва хватало места, чтобы пройти, а воздух оказался спертый от пыли и запаха гниющей бумаги.

Медея поздоровалась, но никто ей не ответил. Женщина вновь позвала и на этот раз по имени:

— Господин Борхес?

Она пробралась внутрь, пробираясь на ощупь во тьме и изо всех сил стараясь не стучать и не потревожить ни одну из самых опаснейших стопок книг по обе стороны от нее. Здесь было тепло, практически безвоздушно, и женщина слышала мягкий шелест бумажных страниц.

Медея хотела было подойти к витрине сзади, но путь ей преградила устрашающая скала из книг. Поэтому она просто пошла глубже внутрь, надеясь, что узкий проход между стеллажами раскроется в глубине магазина, и она сможет вернуться к окну. Темный каньон из книг уводил Медею все дальше и дальше. Глаза с трудом приспособивались к полумраку. Незакрепленные страницы упали под ноги на пол. Она снова позвала владельца.

Страницы книг зашуршали.

Узкий овраг из книжных стопок вел глубоко внутрь. Он оказался настолько высоким, что Медея потеряла из виду вход в лавку, и даже начала задаваться вопросом, насколько велик этот обманчиво маленький магазинчик. Помещение должно быть проходить под магазинами Тайласс-роу, и, возможно, даже под пригорком, примыкающим к Сент-Когласс-Альцион. Все внутри скорее напоминало нору суетливого зверька, плотно обставленную книгами, или даже узкий тоннель в шахте, где люди работали кирками, чтобы разделить пласты напечатанных знаний.

Книжный каньон заканчивался Т-образным перекрестком, где пересекался с еще одной узкой аллеей из стопок книг. Справа стопки исчезали во тьме. Слева будто бы мерцал свет. Медея направилась в более освещенную сторону, спотыкаясь о коробки с припасами, оставленными на пути. Сквозь перчатку рука прикасалась к рядам корешков из тисненой кожи. Впереди горел свет.

— Господин Борхес? — вновь позвала она.

В ответ раздалась тишина, но книжный туннель вел в комнату, напоминающую небольшой читальный зал. Здесь тоже на каждом шагу были книги, но в центре стоял маленький столик со стульчиком, а над ними на цепочке висел светящийся шарик. Он слабо светился, отбрасывая тени в каждый уголок комнаты. Мотыльки лениво кружили вокруг шара, устало стучась в пыльные очертания.

Медея с отвращением затаила дыхание и прошлась по комнате. Небольшая ниша, не шире плеч женщины, вела во тьму. Медея положила книгу в сумку, дабы освободить руки, и нащупала выключатель на участке голой стены. Она нажала на кнопку, и ряд светящихся шариков медленно напомнил темный коридор светом.

К своему изумлению она заметила, что внизу находилась целая библиотека, ряды переполненных полок заполняли огромное пространство с низким потолком. Лабиринт, где проходы между книжными стеллажами оказались настолько узкими, что передвигаться возможно было только боком. Воздух здесь оказался до ужаса спертым. Антикварные светящиеся шарики освещали каждую из секций бледным светом с дымкой табачного цвета, а огни соседних проходов пробивались между книг над стеллажами. Мотыльков привлекли новые огни, и они шумно пролетели мимо Медеи, закружившись между стопками книг.

Женщина начала терять ориентир на местности, но ощущала, что если снова пойдет налево, то сможет вернуться назад и пробраться к лицевой витрине книжной лавки. Сердце учащенно забилось, и она практически задыхалась. Медея решила вернуться, уйти из магазина и оставить соответствующую плату за справочник на столике снаружи. Дурак этот М. Борхес, поскольку не уделил клиенту внимания.

Внезапно свет погас.

Все вокруг утонуло во тьме. Медея вздрогнула. Возможно, светящиеся гирлянды и выключатель работали на таймере, и обратный отсчет дошел до нуля. Сгущающаяся тьма душила пуще прежнего. Вокруг было так пыльно, что в горле пересохло от книжной плесени. Женщина попыталась на ощупь найти выход, но со всех сторон натыкалась лишь на книги. Она вдруг ощутила, или подумала, что ощутила прикосновение опыленных крыльев к щекам: другие потерявшиеся здесь души искали свет.

Медея старалась сохранять спокойствие. Она вновь нашла дорогу. Послышалось настойчивое постукивание, прерывистый звук чего -то, что билось в окно. Звук, похожий на мотылька. Огромную ночную бабочку, бессмысленно бьющуюся о стеклянную стену до смерти.

Медея сглотнула страх и продолжила двигаться на ощупь в этой крошечной тьме, ощущая, что впереди находится открытое пространство.

И тут свет появился так же внезапно, как и пропал до этого.

Она поморщилась из-за того, как резко это произошло. Еще один старинный светящийся шар, подвешенный на цепочке, освещал небольшое пространство для чтения. Но не то, что Медея видела ранее. Здесь стояли два стула и книжная подставка на маленьком письменном столе. Возможно, подумала женщина, свет в магазине реагирует на движение и включается тогда, когда кто -то находится рядом, чтобы сэкономить энергию. Именно поэтому все остальные шары погасли, а этот загорелся.

На книжной подставке стояла открытая книга. Медея практически не обратила на это внимание, но нечто все-таки притягивало ее взгляд.

Копия «Сфер Тоски» за авторством Гидеона Рейвенора.

От страха перед увиденным кровь в ее жилах застыла даже сильнее, чем от отдаленного постукивания невидимого мотылька-чудовища. Как это вообще произошло? Как именно эта книга среди тысячи остальных могла оказаться здесь, на подставке в развернутом виде перед ней?

Медея присела и уставилась на книгу, а затем рассмеялась. Конечно. Конечно же. Так оно все и было. Наконец -то. Вот так и закончилась игра в кошки-мышки. Он всех их выследил. Это все его проделки.

— Гидеон? — позвала она.

И вновь не последовало никакого ответа, кроме отдаленного постукивания хрупких крыльев по неприступному стеклу.

— Гидеон, я знаю, что это ты. Это одна из этих твоих уловок с разумом, да? Прекрасно исполнено. Ты меня заморозил и заманил сюда.

Но ответа по-прежнему не было, даже никакого знакомого трепета пси-силы на краю мыслей.

— Я так полагаю, что ты привел меня сюда для того, чтобы я ответила на вопросы, — произнесла Медея в темноту. — Чтобы допросить меня. И кто это сделает, Гидеон? Ты? Или это будет Кис, или дорогая Кара? Ты должен знать, Гидеон, от него я не отрекусь. Ни от Грегора, ни от остальных. Наконец -то ты поймал меня, и можешь проявить жестокость, чтобы выведать секреты, но я не предаю его ни сейчас, ни когда-либо.

Ответом послужила еще более гнетущая тишина, практически тишина, если забыть о бьющихся в стекло

бабочках и шелесте страниц. Медея задрожала от этих звуков. Таков был его подход? Психологические пытки, чтобы использовать ее самую глубокую и секретную фобию?

— Ты поймал меня, Гидеон, пленил. Но я его не предаю. Покажись, и покончим с этим спектаклем.

И вновь никакого ответа. Медея поднялась и посмотрела на книги, что расположились на полках вокруг. И еще больше садизма. Копия «Лжи Слайта», тонкий и жалкий гниющий том «Загадочная смерть Тита Эндора», «Жизнь Понтиуса Гло», трактат «О Малус Кодициум», брошюра «Натан Иншабель об Эльвире Кардинал» в хорошем состоянии, а еще «Жизни и смерти всех Элизабет Биквин».

И тут же книга в черном кожаном переплете с золотым тиснением.

«Отчет о гибели еретика Грегора Эйзенхорна, а также негодяя Гидеона Рейвенора».

Это... Это точно не его рук дело. Этого не может быть. Слишком озлобленно, даже слишком жестоко для такого решительного человека, как Гидеон. Медея знала его еще с давних пор. Знала, что он не опустил бы до такого никчемного запугивания, если бы знал, что будет иметь дело с ней. Гидеон должен был знать, что подобные игры разума лишь укрепят ее решимость, но никак не наоборот.

Стук становился все громче. Медея развернулась и тут же вздрогнула. К светящемуся шару над столом подлетело еще больше мотыльков. Дюжины серых, как фруктовая плесень, толстых и пушистых мотыльков кружили вокруг лампы, неистово ударяя опыленными крылышками о внешний слой, жалко трепеща. Они были огромными, даже больше всех тех, которых она видела до этого, и этот факт заставил женщину затаить дыхание. Этот страх, старая фобия, попросту сжал ее сердце в кулак.

Раздался щелчок, и свет погас. И вновь крошечная тьма окутала все вокруг. Медея ничего не видела, но слышала, как яростно кружат вокруг мотыльки, ослепшие от потери источника света. Она почувствовала, как нечто коснулось щеки, почувствовала пыльцу на языке, как мягкие крылья и ворсинки вибрируют прямо у ее губ. Медея попыталась закрыть лицо руками, чтобы не кричать. Но крылья уже начали щекотать ноздри, а их шелест звучал в ушах так, словно существа во тьме пытались вспорхнуть и пробраться прямо к ней в череп. Она дернулась к полкам и услышала, как сбитые книги упали и рассыпались, словно маленький оползень.

И вновь послышался щелчок. Зажегся еще один шар справа от нее через три ряда. Она даже могла видеть его — сферу, сияющую между книжными полками. Внезапно исчезли и мотыльки. Возможно, их тоже привлек свет.

Медея тяжело дышала. Полуослепленная, она двинулась к источнику света. Вместе с ней летело еще больше маленьких и больших мотыльков, казалось, что полчища их кувыркались в воздухе и мерцали в лучах света.

Медея потянулась к шару, с отвращением смахивая мотыльков со лица. Лампа висела в другой расчищенной для чтения территории. На книжной подставке стола стояла книга, которая уже начала гнить от плесени и липкой слизи, ее страницы оказались ветхими и мокрыми, словно крылья раздавленного ногой мотылька. Текст оказался нечитабельным. Мотыльки в опасном изобилии билась о шар и ползали по его поверхности, подергиваясь, шурша и дрожа.

Медея попятилась назад, ее практически задушила собственная фобия. Мгновение спустя свет погас и крошечная тьма вернулась, пространство вокруг наполнилось жалкими трепещущими крыльями. Вновь щелчок. Вновь вспышка позади. В четырех рядах от нее.

Женщина бросилась к источнику света сломя голову, срывая книги с полок по обе стороны. За ней падали тома, брошюры и раскрепленные рукописи. Свет находился в еще одном маленьком алькове, где два столика, сдвинутых вместе, образовывали парное место для чтения. Светящаяся сфера была слишком тусклой и излучала слабый красноватый свет из-за огромного количества мотыльков, что ползали и копошились на ней, напоминая отвратительно расшитое покрывало.

Свет погас. Медея не сдавалась и тяжело дышала, смахивая незримые усики с лица. Она чуть не подавилась. Еще один шар. Чуть поодаль. На шесть рядов дальше, словно маяк за очертаниями, заставленных книгами полок.

Она остановилась и попыталась обратиться с мыслями.

Свет куда-то вел ее. И она была в этом уверена. Ни один из шаров не выключался и не выключался в случайном порядке. Каждый из них светился, потом внезапно гас, а уж только потом загорался новый, и все это зигзагообразным узором, затягивающим Медею все глубже в лабиринт полок, обещая, что она выберется, но в итоге это лишь вызывало еще больший испуг.

Она уставилась на сферу в ожидании, что та потухнет, чтобы все это закончилось. Но лампа продолжала гореть. Мотыльки кружились в сумерках вокруг женщины, безумно и дико урча в сторону сияния.

Медея ждала. Свет продолжал гореть. Она поняла, что он сияет, пока она не начнет двигаться к нему. Он манил ее. Звал к себе.

Но Медея не сдвинулась с места. Свет все сиял, бросая ей вызов, дразня ее.

Она тяжело дышала из-за спертости воздуха, отчаянно пытаясь избавиться от этой затхлой атмосферы и вдохнуть в легкие чистый ветерок со двора, который, как она надеялась, все еще был снаружи. Не так она себе представляла свой конец.

Медея расправила плечи. Свет продолжал гореть.

Она развернулась к нему спиной и с мрачной решимостью отошла в сторону от единственного источника света, после чего направилась во тьму из стопок книг, нащупывая дорогу. Чернота поглотила ее. Во рту находился песок. Она уже слышала шелест бешено хлопающих друг о друга крыльев. Единственный огонек в этом мраке продолжал светить позади нее, пока, казалось, не осознал, что Медея вовсе не собирается идти на его зов. Свет погас, где-то слева зажегся еще один огонек. Она проигнорировала и его, продолжая блуждать в темноте. Книги посыпались с полок, как только пальцы вцепились в них.

Свет продолжал светить какое-то время, но потом вновь погас. Справа от нее появился новый. Она проигнорировала и его. Медея продолжала идти в темноту, удаляясь от всех светящихся ламп. Свет погас, словно он был раздосадован, даже разочарован в гостье, но новый огонек вновь зажегся слева от женщины. Когда и это не возымело действия, то он сразу погас, и глубоко справа от нее, в лабиринте из книжных стеллажей загорелся новый.

Медея игнорировала абсолютно все. Она, спотыкаясь, направилась по тропе тьмы, все еще слыша легкое постукивание, тук-тук-тук — нечто билось об оконное стекло.

Она пошла на этот звук, пытаясь определить его источник, звучащий как нерегулярное биение испуганного сердца.

И тут она увидела свет впереди. Не лампа, и даже не светящийся шар. Просто холодное пятно, едва

различное. Дневной свет, а не искусственное сияние, исходящее от лампы.

Медя врезалась в стопку с книгами, а та упала на другую, рассыпав лавину из книг. Но женщина пошла дальше, спотыкаясь о груды фолио и октаво^[3]. Свет был таким слабым, что она едва его видела. Если она смотрела прямо на него, то он тотчас исчезал. Только ее чувства и периферийное зрение могли уловить призрачное смутное мерцание.

А стук тем временем становился громче. Путь преградил стеллаж, и Медя отодвинула его в сторону, тем самым вызвав огромный оползень из томов и расколотого дерева. Поднялась пыль, подобно дыму от костра. И как только все прояснилось, она наконец-то смогла рассмотреть свет. Маленькое грязное окошко лавки, что выходило во дворик на Остатках. Она нашла дорогу к витрине, между ней и стеклом были только стопки книг и тележки. Нечто с рваными крыльями трепыхалось и билось о внутреннюю поверхность стекла, и подобно Медее пыталось найти выход из магазина на улицу.

И это был не мотылек. Слишком большое существо для мотылька. Оно порхало вверх и вниз вдоль окна, все стучало и билось о него, хлопая бумажными крыльями.

Медя оттащила нагруженные тележки и ящики, расчистив себе дорогу, после чего пробралась сквозь груды книг, что преградили ей путь подобно оползню. Она подошла к окну, скопом сметая расставленные книги. Сквозь толстое закопченное стекло она уже видела Грамматикус-ярд. Видела прилавки и покупателей. Видела кошек, что лежали на местах, где во двор пробирался солнечный свет. Видела, как мэм Тардинг продолжает заниматься сортировкой. Старого поставщика книг, который заснул рядом с пузырчатой трубкой.

Медя постучала в окно. Снаружи никто не услышал и никто не посмотрел в сторону книжной лавки. Женщина принялась колотить руками по стеклу и звать на помощь. Но никто даже не оглянулся. Она отчаянно колотила руками в старое окно, так же тщетно и бессмысленно, как мотылек, пытающийся вырваться на свет. Стекло не разбилось и даже не задрожало. Она не могла ни сломать его, ни пробиться сквозь. Оно было твердым и упругим, словно камень, или твердым как стекло для хрупкого насекомого. Она тщетно продолжала биться в него и кричать. А мир снаружи продолжал жить в своем собственном медленном, размеренном темпе, не обращая никакого внимания на нее.

Существо, что порхало вверх и вниз вдоль стекла, внезапно упало прямо перед ее лицом. Медя взвизгнула и отпрыгнула, рефлекторно отмахнувшись рукой. Оно упало замертво на подоконник.

Женщина уставилась на это существо. Оно лежало среди сухих, мертвых чешуекрылых, со слегка приоткрытой обложкой, подобной сломанным крыльям. Это была маленькая брошюра. Она каким -то образом оказалась живой и трепещущей.

Медя подняла книжку. На обложке не было названия, а внутри на пыльных страницах отсутствовали слова. Вместо этого на каждой странице находился узорчатый отпечаток, похожий на мрамор, искаженный и размытый рисунок чернилами, изображающий лицо, скорее больше напоминавшее размытый снимок при слабом освещении. Человеческое лицо, кричащее от ужаса, повторялось в разнообразных вариациях на каждой странице. Если бы она пролистала страницы от начала до конца, это превратило бы изображение в плавную анимированную последовательность лица, искаженного криком ужаса.

И напоминало оно Прейда Беловуара.

А не ее.

Медea сняла правую перчатку из красной кожи, чтобы обнажить замысловатую, сверкающую главианскую электросхему, имплантированную в ее руку. Женщина сжала ручку и установила контакт с механизмом безопасности, а потом отключила управление.

Механизм отключился под громкий щелчок. Дверь открылась.

Во дворе снаружи оказалось тихо. Все кошки уже разбежались, поскольку солнце начало закатываться за горизонт и солнечные пятна исчезли. Некоторые торговцы уже закрылись и убрали прилавки с навесами в ниши под окнами.

Дверь в лавку М. Борхеса закрылась за ней сама собой. Теперь в магазине было совершенно темно. Но у сумке у Медea лежал странный справочник, и она почувствовала, что расплатилась за него сполна. Женщина надеялась, что книга окажется полезной, хотя и считала, что это слишком маловероятно.

Медea пошла прочь, пересекла двор и дошла до ступенек на Тайласс-роу. Она глубоко вдохнула, впуская в легкие свежий воздух. Да, он был грязным, пропитанным выхлопными газами и дымом от печей старого города, но казался ей таким свежим и чистым. Временные приливы, захлестнувшие Королеву Мэб, особенно ощущались в темных дворах Остатков, и в маленьком магазинчике-лабиринте на Грамматикус-ярд они были коварнее всех остальных.

Листы книг, оставленных на прилавках, шелестели на ветру словно крылья мотылька, но страх остался позади.

Медea даже не оглянулась и никогда больше сюда не возвращалась.

А даже если бы и вернулась, то никакой лавки больше бы там не нашла.

1. Перевод Ильи Сетракова.
2. Анодос — (греч.) восхождение, просвещение, просветление.
3. Фолио — книга размером 48 на 30 см, октаво — 23 на 15 см.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Лепидоптерофобия_\(Освобожденная_Медea\)_/_Lepidopterophobia_\(Medea_Unbound\)_\(рассказ\)&oldid=18615](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Лепидоптерофобия_(Освобожденная_Медea)_/_Lepidopterophobia_(Medea_Unbound)_(рассказ)&oldid=18615)

Эта страница в последний раз была отредактирована 11 февраля 2022 в 09:02.